

20 НОЯБРЯ— 80 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Алла Кторова. — Вера Ильинична, как сложилась судьба вашей семьи после революции?

Вера Толстая. — Отец уехал в Америку в самом начале октябрьских событий семнадцатого года, там и умер, похоронен в Нью-Хейвене, штат Коннектикут. Когда началась революция, старшие братья были уже взрослые. Нас, детей, в семье было восемь человек, два мальчика скончались детьми. Старший, Михаил, после учебы в реальном училище участвовал в империалистической, потом в гражданской войне на стороне белых. Вернулся с фронта, заразился сыпным тифом и умер на руках у матери в Новороссийске. Андрей, второй по старшинству, который взял на себя заботу о младших после того, как отец уехал в Америку, учился в Высшем техническом училище (теперь МГТУ им. Баумана. — А. К.), был очень талантлив, тоже сражался в Белой армии, три раза был награжден золотым оружием за храбрость, убит под Перекопом... Владимир получил образование в реальном училище, потом стал агрономом, Илья был кадетом Морского корпуса в Петербурге, потом пошел по ученой линии, стал известным филологом. Владимир и Илья эмигрировали в Югославию, но в 1945 году оба вернулись в Россию с семьями. Их сыновья, мои племянники, Олег — художник и Илья — филолог, живут сейчас в Москве. Сын Ильи, Никита, тоже филолог, имеет печатные труды, у всех семьи, дети, внуки. Внук Олега, Иван, — вылитый прапрадед. А единственная сестра моя, Анна Ильинична Толстая-Попова, моя любимая, Анночка, в эмиграции не была. Она с мужем Павлом Ивановичем Поповым, профессором логики Московского университета, всю жизнь до кончины прожили в Москве по адресу: Арбат, 45, квартира 2. Дом их описан, между прочим, Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита». Писатель был большим другом семьи.

А. К. — А какой оборот приняла ваша жизнь в эмиграции?

В. Т. — Мы с матерью из России должны были бежать, потому что братья в гражданскую войну были на стороне белых. Приехали в Новороссийск, а там свирепствует сыпной тиф. Пятнадцать с половиной лет мне было, и стала я работать в сыпнотифозном госпитале. Помню, разматываю бинты на раненом, а там белые вши кишмя-кишат... Много женщин из высшего общества сестрами милосердия там работали, графиню Капнист помню, других из известных семей. С матерью и со мной были наши верные мансуровские женщины, няня моя любимая Анна Григорьевна Рехачева и кухарка Ольга. Тут мама заболела тифом. Ухаживали за ней я с няней, даже уколы камфары научились делать, а Ольга уже ничего не могла, мне кажется, она рехнулась, тронулась в уме... Мама вышла, но не успела встать на ноги, как я свалилась. Боже мой, ведь надо же садиться на пароход, который в Константинополь отбывает, а няня с Ольгой вдруг ни в каю. Не поедет, хотим обратно домой, в Мансурово. Отправились они обратно, а по дороге няня съела соленой рыбки и умерла. Отравилась. Об этом позже сообщила Ольга, она доехала. А меня на пароход мать под руки вела, так слаба я была после тифа...

А. К. — Ваша мать была из очень известной семьи, не так ли?

В. Т. — Мама, Софья Николаевна, была урожденная Философова, родилась в Сорренто. Ее отец, мой дед Николай Алексеевич, был директором Училища живописи и ваяния в Москве, сам хорошо рисовал. Этот талант он передал правнуку Олегу и его дочери Наташе, художникам. Когда, после нескольких лет скитаний, Салоники, Югославия, Австрия... прибыли мы наконец в Прагу, то помощи ни у кого не просили, всем ведь было плохо, но Масарик, тогдашний президент страны,

предложил мне, как внучке Льва Толстого, стипендию в университете, а я отказалась в пользу матери. Так она и получила эту пенсию до своей кончины в 1934 году, сначала 800 крон в месяц, потом — 600. А я так и осталась без высшего образования. Выучилась на массажистку и хоть делала только лицо и декольте, а все равно столько-то часов на ногах поди постой. Всю жизнь я, милая моя, трудилась, и стаж мой рабочий — более шестидесяти пяти лет.

А. К. — Где же вы еще трудились?

В. Т. — Работала в Чехословакии массажисткой, в 1931 году поехала в Париж и открыла салон красоты, но после гнусных предложений моего директора я лишилась этой службы, так как отказала ему. И вот тут-то дядя Миша, я о нем потом скажу, повел меня устраиваться петь в ресторан «Голубой мотылек» к Насте Поляковой, которую знал по Москве.

А. К. — Тут я должна прервать младшую внучку Толстого для того, чтобы сообщить читателю о том, что, если бы не «Великий Лев», затмивший всех и вся, многие из его потомков вошли бы в историю русской культуры благодаря своему незаурядному музыкальному дару. Вера Ильинична, талант сама по себе, никогда не купалась в лучах отраженной славы своего всемирно знаменитого деда, а брала и берет окружающих в сладостный плен вплоть до сего времени своим собственным, огромным дарованием: ни на ко-

Вера Ильинична Толстая — младшая внучка Льва Николаевича Толстого, дочь сына писателя Ильи Львовича. У нее живые, внимательные глаза и жизнерадостная, приветливая улыбка. Подобно своему отцу Илье Львовичу, третьему из детей писателя, она более чем кто-либо из многочисленных потомков — внуков похожа лицом на великого русского писателя. Сейчас Вера Ильинична на пенсии и живет во Франции. Где ее навещают друзья и все те, кто интересуется жизнью и творчеством ее знаменитого деда, поговорить с ней — одно удовольствие. Она прекрасно, в мельчайших деталях помнит не только свои юные годы учения в Александровском институте благородных девиц в Москве на бывшей Вожедомке (ныне ул. Достоевского) и Париж, где ей пришлось долго жить и работать, но даже бабушку и дедушку, то есть Льва Николаевича и Софью Андреевну, которых она навещала ребенком. С младшей внучкой Л. Н. Толстого беседует Алла Кторова*.

МЛАДШАЯ ВНУЧКА

го не похожим исполнением цыганских романсов и русских народных песен, которые пели крестьяне в Ясной Поляне. Иногда она аккомпанирует себе на гармошке. Пластика с записью пения внуков Толстых была доставлена мной в Москву в 1981 году и хранится в музее Льва Толстого в Москве на Кропоткинском.

Вера Ильинична рассказывает: — Записывалось это наше пение после «плотных блинов» с возлияниями, безо всякой репетиции, конечно. Так что сама понимаешь. Я солирую свою любимую «Как за реchenкой слободушка стоит» и другое, а аккомпанирует мне на расстроенном рояле Александра Львовна, любимая дочь и друг Толстого, о ней чуть позже. Александра Львовна на второй стороне этой пластинки, в середине, объявляет: «А сейчас будет исполнена песня «Как со вечера пороша», которую пели крестьяне в Ясной Поляне» и сама эту песню поет, а подпевают хором — внуки Толстые, сыновья Михаила и Андрея — Владимир Михайлович, Илья Андреевич и Ольга Михайловна Родзянко, жена Владимира Михайловича.

А. К. — Когда проснулся у вас талант к пению?

В. Т. — Пою с детства. Помню, еще девочкой в институте все — за уроки, а я запрусь в своей селючке** и наигрываю, но не то, что учительница задавала, а романсы пою и получаю за это по поведению не 12 (у нас была двенадцатилетняя система), а 10. Музыку и слова я перенимала с голоса у сестры Анночки, Анны Ильиничны. У нее был прекрасный голос, а романсы она пела дуэтом с Александрой Львовной, тоже выдающейся музыканткой. Они хот и были теткой с племянницей, очень дружили, разница в возрасте у них была очень маленькая. А тетя Саша моя, любимая дочь Толстого, и на гитаре, и на других инструментах прекрас-

но играла. Вот, помню, она мне рассказывала: поют они как-то с Анночкой в зале в Ясной Поляне, вдруг открывается дверь из кабинета Льва Николаевича и на пороге появляется он сам. Долго стоял, слушал, ничего не говорил, а потом произнес: «Да. И слова-то все глупые в этих романсах, «мление», «воспоминания», «желания» да «страдания», а выходит хорошо...»

Александра Львовна Толстая, известная всему миру дочь великого писателя, скончалась в Соединенных Штатах девятилетою пяти лет от роду в конце 1970-х. Перед

Алла
КТОРОВА

неев не могли аккомпанировать без нот, а Лев Николаевич сказал: Миша, сядь к роялю и подбери. И шестнадцатилетний Миша сел к роялю и так заиграл, что поверить было трудно... Вот, милая моя... Да, так вот у этого моего дяди, Михаила Львовича, был даже в Париже свой «салон», то есть цыганский хор, который за деньги приглашался в разные места петь. Сам-то петь Михаил Львович не пел, голоса было не много, но манеру исполнения показывал как никто. Он и меня многому научил. Ведь дядя Миша был автором и композитором многих русских романсов, и, подумайте, какое нахальство, ведь на советских пластинках очень долго этого даже и не указывали, писали «слова и музыка неизвестного автора». Только теперь стали писать, кто автор. Романсы «Мы вышли в сад», «Зачем я влюбился в тебя, дорогая», «Ты поманишь душою израненной», «Ночь светла, я томлюсь и не сплю» — это все его сочинения, они исполнялись парижским оркестром. Другие Толстые тоже были талантливы к музыке, очень серьезным пианистом был старший сын Толстого, мой дядя Сергей Львович, а в нашей семье сестра Анночка с братом Ильей написали очень красивый романс «Зажглись далекие лампы», так что не я одна посвятила песню свою жизнь. Да, так вот именно дядя Миша и привел меня к владельцу ресторана «Голубой мотылек», откуда и пошла моя карьера как певицы. Потом из «Голубого мотылька» по разным причинам перешла я в знаменитый «Шехерезаду», самый знаменитый ночной клуб, где проработала семнадцать лет. Туда приезжали мировые знаменитости Марлен Дитрих, Пола Негри, принц Бернар шведский и другие.

А. К. — А о том, кто вы, посетители «Шехерезады» знали?

В. Т. — Пела я под сценическим псевдонимом Вера Толль, и сначала официально никто не знал, что я внучка Толстого. Правда, многие, я думаю, догадывались, потому что привел меня туда дядя Миша, всем ведь было известно, что он — сын Толстого, а потом — семейное сходство говорит само за себя. А почему я думаю, что многие знали — вот в «Голубом мотыльке» Великий Князь, например, мог подойти к певице-цыганке, поцеловать ее, даже денег дать, а ко мне никто, ни-когда — не смел! Знали, наверно, — это внучка Толстого!!!

А. К. — Что вам больше всего запомнилось из времен работы певицей?

В. Т. — Больше всего мне запомнилось то, что работать было непосильно трудно. Ты думаешь, наша жизнь была сплошным праздником? Нет, милая моя, свой кусок хлеба мы зарабатывали так, как вам сегодня и не снилось. «Шехерезада» открывалась в 11.30 вечера, а у меня уже в 10.30 начинали слиться глаза, так хотелось спать. Все певицы должны были быть при полном параде — волосы, макияж, руки, вечернее платье и так далее. Пела я на пяти языках и соло, и дуэты, и квартеты. Пела стоя, стояла у рояля под сильнейшим прожектором. Если звали гости к столу, хотели угостить, — подходила. Есть было не обязательно, но пить надо было непременно, так как с каждой открытой бутылки шел основной доход ресторану, а мне — 10 процентов. Петь и пить — мучительно это было. Работа кончалась в пять утра, а метро во время войны, например, открывалось только в шесть. Целый час приходилось ждать, я стояла и тряслась от страха, ведь каждый мог пристать к одинокой женщине и принять ее за кого угодно.

А. К. — А кого бы вы могли назвать из знакомых вам лично крупных фигур Русского Зарубежья, которые останутся навсегда в истории России?

В. Т. — Многие. Ну, прежде всего знала я Бунина, а еще — знаменитого адвоката Маклакова, друга моего отца, встречала Мережковских. С представителями «высшего света» тоже была знакома. Очень тяжелое существование владели они в Париже. Ближе всего знала я Гавриила Константиновича, Гаврюшу, сына Великого Князя Константина Константиновича — поэта. Подписывался «Великий Князь двумя буквами К. Р. Он был президентом Российской Академии Наук. Генеральным поэтом Константин Константинович, конечно, не был, но в свое время его стихи «Умер, бедняга, в больнице военной», «Вчера мы ландышей нарвали» — вся Россия декламировала. «Умер, бедняга...» был положен на музыку, исполняла эту песню Плевицкая, в империалистическую слезу у всех вызывала она на глазах. Гавриил Константинович и был одним из сыновей Великого Князя, других убили большевики... А женой Гаврюши Констан-

А. К. — Интересно было бы послушать, как вы завоевали славу певицы — исполнители русских песен и цыганских романсов.

В. Т. — Да. Ну, слава не слава, а знали меня. Но тут прежде всего надо опять повторить, что, хотя все Толстые очень музыкальны, а Лев Николаевич даже сам вальс сочинил, самым талантливым в семье был Михаил Львович, третий сын Толстых. Вот рассказывала мне тетя Саша, приехал как-то в Ясную Поляну молодой Шалапин, надо бы петь, да не может, потому что гостиные в то время там знаменитый музыкант Гольденвейзер и композитор Та-

* Алла Кторова, москвичка, живущая более 30 лет в США. Ее книги хорошо известны в среде Русского Зарубежья. В этом году в издательстве «Художественная литература» вышел ее прозаический сборник.

** Маленькая комната с роялем для музыкальных упражнений (А. К.).

тиновича была простая женщина, медсестра... Ну, затем, дружила я с Дмитрием Павловичем, внуком Александра II, двоюродным братом последнего государя Николая Александровича.

А. К. — Это тот Дмитрий Павлович, который вместе с князем Феликсом Юсуповым принимал участие в убийстве Распутина? Этому посвящен советский фильм «Агония».

В. Т. — Ну, сами-то они никого не убивали, а инициаторами этого дела были. Оба красавцы, а Юсупов Феликс Феликсович вообще считался одним из самых выдающихся по внешности мужчин мира. Я знала его уже пожилого, в то время он небольшой мажор себе накладывал, для поддержки внешности... Все они жили в Париже в бедности. Помню, в Монте-Карло, где я пела по контракту, ходила я иногда в казино играть в рулетку (я там однажды крупную сумму даже выиграла), а Дмитрий Павлович только, помню, смотрел, а сам не играл, — не на что было.

А. К. — Бывшая усадьба Юсуповых, Архангельское — теперь одна из главных достопримечательностей окрестностей Москвы, последним ее владельцем и был Феликс Юсупов. Чем же он занимался в Париже?

В. Т. — Феликс Юсупов был не только писанным красавцем. Очень простым в обращении, веселым, занятым человеком он был. Вот когда мы у него садились за стол, например, он для смеха разыгрывал роль официанта. Вот салфетку так через руку перекинет и «чего изволите-с?». А во время войны все приглашал меня с Полюшкой Фесенко, цыганкой из хора, приходить к нему на морковный чай, больше-то ничего ведь не было, голодали, как и все простые люди. Вот приход с Полюшкой, сидим, поем «Что это сердце сильно так бьется, что за тревога волнует мне грудь», а Гриша, камердинер князя, стол сервирует. Копейки за душой не было, а слуга был и стол сервировался для морковного чая как для званого обеда. И не думай, что они чурались труда. Просто ничего не умели ни он, ни жена его, Ирина Александровна, племянница Николая II, дочь его старшей сестры Ксении. Каждый мог их обмануть, потому что откуда им было жизнь-то знать? Открыли они как-то Maison de couture***, вложили туда какие были средства и, конечно, прогорели. Ну какие из них бизнесмены?

А. К. — Значит, отношения с этими представителями высшего класса России в эмиграции были у вас абсолютно равными?

В. Т. — И да, и нет. И Светлейший Князь Дмитрий Павлович, и Бернар из шведского королевского дома называли меня просто Вера, ну а я их — Ваше Высочество и Монсиньор. Нужно же было какое-то уважение проявлять к титулу...

А. К. А как вы попали в Соединенные Штаты?

В. Т. — Тетенька Александра Львовна вызвала меня в Америку после войны. Сама тетя Саша работала на знаменитой своей ферме, куда стекались по ее призыву все, кто бежал из России от Сталина. А я стала работать, петь уже не пела, только для своих, пошла в «бизнес», продавала косметику, дамские платья, еще кое-что. Много чего перепробовала, десять лет тому назад вышла на пенсию. А когда Александра Львовна была жива, часто с ней виделась, всегда ездила к ней в отпуск, а потом вместе во Флориду, рыбу ловить. Любила она это занятие, как лучший отдых.

А. К. — А в Советском Союзе вы за эти годы когда-нибудь были?

В. Т. — Никакого Советского Союза я не знаю. На карте мира была, есть и будет только Россия. А насчет того, чтобы туда поехать, то в прошедшие годы не могло быть и речи, тетенька Александра Львовна убила бы меня, заикнись я об этом. Она ненавидела Сталина и все, что он создал, всю жизнь боролась против него. Ведь ее в двадцатых годах там эпестовали, ее, дочь ТОЛСТОГО! И настоящей причины никакой — просто захотели поиздеваться и арестовали, бросили в тюрьму, в холод, голод, к крысам! Насилу вырвалась она тогда из России, поехала в Японию, да так и не вернулась. Всю свою жизнь положила на борьбу со Сталиным. Жалею, что не дожидаясь до сегодняшнего дня, я думаю, что она бы симпатизировала Горбачеву и начатой им политике возрождения России.

ВАШИНГТОН, США, 1990.

*** Дом моделей.

Л.

Н. ТОЛСТОЙ был самым ярким представителем русской интеллигенции, и не только в том смысле, что он был гениальный художник, замечательный в мире представитель русского художественного творчества, но и в том, что он чутко переживал все вопросы, которыми болела интеллигенция его времени. Правда, во многом он с нею расходился, ко многому в ней относился отрицательно, но никогда не относился равнодушно к вопросам, ее волновавшим. И русская интеллигенция, далеко порой расходившаяся с ним в практических и даже моральных выводах, никогда не относилась равнодушно к его личности, к его мысли и деятельности.

Наше общество в царствование Александра II пережило, как известно, период надежд. Казалось, перед нами открывается путь развития и правды. Но самодержавие истощило на краткий период реформ все свои творческие силы и остановило дальнейшее развитие страны. Жизнь остановилась, начала глотнуть и разлагаться. И прежде всего это почувствовала интеллигентская молодежь, то есть та именно часть общества, в которой должен бы совершаться насильственно задержанный общественный рост.

Тогда общество в этой именно молодой своей части начинает испытывать лихорадочное, болезненное беспокойство... И вот начиная с шестидесятых годов в России возникает почти непрерывный ряд так называемых студенческих волнений.

**Владимир
КОРОЛЕНКО**

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ

Маркс был несомненно великий мыслитель, давший очень много для понимания экономических феноменов, но многие его взгляды вне этой области односторонни и узки. Со времени марксизма принято считать ни во что такие, например, двигатели, как совесть. В расчет принимаются только интересы и силы для их поддержания. Достаточно, однако, сколько-нибудь внимательно взглянуть в историю, чтобы убедиться, что работа совести в человеческих душах часто сама становится значительной движущей силой. Так, перед Великой Французской революцией, ранее, чем заговорили «классовые интересы», внятно говорила уже общественная совесть, говорила языком философов, энциклопедистов, встречавших приверженцев даже в тех классах, которым переворот был прямо невыгоден. Есть в работе человеческого ума и человеческой совести своя обязательность. Кто-то сказал: если бы материальные интересы этого потребовали, то даже дважды два четыре стало бы предметом спора. Мы видим, однако, что часто бывает выгодно известным общественным категориям, чтобы дважды два было не четыре, а пять, но всегда такое дело обречено на скорую гибель. Перед Галилеем стояла альтернатива: или признать, что Солнце вращается вокруг Земли, или погибнуть на костре. Он уже смалодушествовал и готов был согласиться с инквизицией, но давление внутренней обязательности вывода прорвалось невольным восклицанием, которое грозило старику костром: «А все-таки она вертится».

То же можно сказать и о работе совести. Человечество не даром жило тысячелетия. Каждое столетие откладывало свою долю нравственно обязательного в понятиях о добре и зле. Это может временно затемняться, но никогда совсем не исчезает.

В этом смысле русская интеллигенция переживает в течение нескольких поколений свою глубокую трагедию: ум и совесть диктовали одно, весь уклад жизни, реальные интересы требовали другого.

Вот почему с первой четверти прошлого столетия мы видим, что русское общество потрясается взрывами вне каких бы то ни было классовых интересов. Первые русские революционеры были привилегированные гвардейские офицеры. Затем после некоторого промежутка в России начинается ряд волнений учащейся молодежи, которые уже не прекращались до падения монархии. Каждое поколение молодежи как бы останавливается в раздумье на пороге жизни, выбирая один из двух предстоящих ему путей: путь подчинения, на котором ждут теплые места, обеспеченная карьера, одним словом, реальные интересы или путь противления и борьбы. В большин-

Восемьдесят лет назад, 7(20) ноября 1910 года, на железнодорожной станции Астапово прервалась жизнь великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. А за три месяца до этого его посетил в Ясной Поляне Владимир Галактионович Короленко. Это была их последняя, третья встреча (первые две были в 1886 и 1902 годах). На следующий день после кончины Толстого газета «Речь» поместила заметку Короленко «Умер». «Сейчас, — говорилось в ней, — в туманный день, на грязной улице провинциального города мне подали телеграмму. Газетчик сказал только одно слово: «Умер!» Умер человек, приковавший чувства всего мира.

Если был писатель, о котором можно сказать, что его знали все, — это был Толстой, титан современного человечества. Легендарные титаны громоздили горы на горы. Толстой навалу дагал танами горами человеческого чувства, какие не под силу царям и завоевателям.

Слезы невольно просыпались на глаза. Есть что-то детски трогательное в доверчивой беспечности, с какой этот слабый старик пошел навстречу смерти. Но все личные чувства сменяются, поглощенные торжественным величием минуты.

Затем последовала поездка Короленко на похороны Толстого, давшая толчок к написанию новых статей о «великом пилигриме».

Шли годы. Наступило «смутное время» в жизни нашего Отечества, заставившее Короленко вновь вспомнить о великом художнике, мучившемся «роковыми вопросами» и «указывавшем человечеству пути к новой жизни». Как примечательно, что в суровую пору всеобщего разлада и междоусобия, через 2 месяца после завершения своих известных «Писем к Луначарскому», Короленко, недомогающий и измученный жизненными испытаниями в переходившей из рук в руки более 10 раз Полтаве, нашел в себе силы откликнуться на приглашение принять участие в вечере, посвященном десятилетью со дня смерти Толстого. И хотя вследствие болезни писатель не смог присутствовать на вечере, написанное им выступление было там прочитано. Эта статья оказалась одной из самых последних публицистических статей (а их насчитывается более 500), вышедших из-под пера писателя. Ей, как и многим другим выступлениям Короленко на злобу дня, не повезло. Она была напечатана лишь однажды, в конце 20-х годов, в 24-м томе более чем наполовину незавершенного полного собрания сочинений писателя, выходившего в Харькове мизерным тиражом, и до сих пор остается неизвестной широкому читателю. Отмечаемая ныне годовщина смерти Л. Н. Толстого делает эту статью особенно интересной. Она публикуется по машинописному, с поправками автора энцефалару, хранящемуся в архиве писателя в Отделе рукописей ГБЛ имени В. И. Ленина.

С. Н. ДМИТРИЕВ,
кандидат исторических наук

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ. Портрет работы Юрия СЕЛИВЕРСТОВА.

стве жизнь брала свое: люди смирялись перед требованиями реальной жизни, но каждое поколение выделяло известный осадок, питавший в обществе и народе противоправительственное настроение. И это было в то время, когда классовые интересы еще молчали, а народ самые волнения среди оппозиционно настроенной интеллигенции объяснял раздражением господ против царей за освобождение крестьян.

В 70-х годах возникло среди русской интеллигенции довольно широкое «движение в народ». Как оно ни было наивно, все-таки это была попытка объяснить народу его действительные интересы и невыгодность для него самодержавного строя. Народ не двинулся, правительство отводило небывалыми репрессиями.

Оставалось или обратиться к медлен-

ному пути пропаганды, требовавшему времени и жертв, или перейти к борьбе собственными силами, без поддержки народных масс.

Альтернатива страшная, полная трагического значения. В 1877 году во время одного процесса о пропаганде (процесс 50-ти) рабочий Петр Алексеев произнес яркую речь, в которой обрисовал роль русской интеллигенции в пробуждении рабочего класса: «Она одна пойдет с нами до тех пор, пока мозолистая рука рабочего люда не подымется, чтобы свергнуть его деспотизма». Но пока «мозолистая рука» еще не подымалась, и отдельные рабочие только от времени до времени увеличивали ряды жертв из интеллигенции, не придавая ей, казалось, реальной силы.

В воздухе уже носилась идея и предчувствие террора, последнего средства